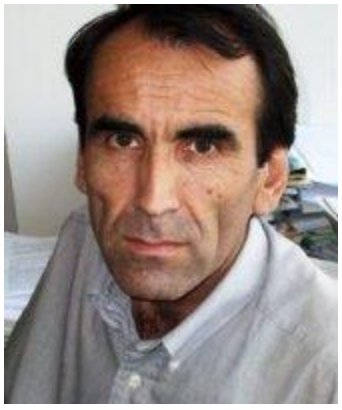
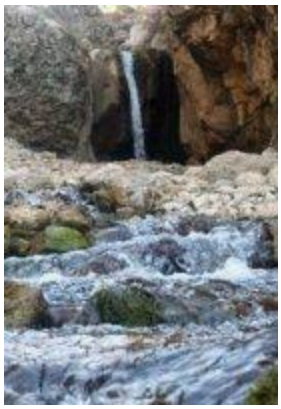
В РОДНОМ БОГИСТАНЕ

Мой кишлак, где родился и вырос, находится в горах Ташкентской области над Чарвакским водохранилищем. Водохранилище построили, когда был мальчишкой. С тех пор много воды утекло. Я выучился, стал столичным журналистом. Но малая родина мне не менее дорога, чем многоэтажный Ташкент. В Богистан приезжаю повидать родных, прикоснуться к природе.
\»Зеркало XXI\», Экоальманах \»Просто пишем о среде\» (4-й выпуск), 2009г.

Мой кишлак, где родился и вырос, находится в горах Ташкентской области над Чарвакским водохранилищем. Водохранилище построили, когда был мальчишкой. С тех пор много воды утекло. Я выучился, стал столичным журналистом. Но малая родина мне не менее дорога, чем многоэтажный Ташкент. В Богистан приезжаю повидать родных, прикоснуться к природе. Мне дороги его краски весны, лета, осени, неспешный ритм жизни. Дороги опыт стариков, обычаи, традиции. Замечаю и перемены. И тогда пытаюсь сформулировать на бумаге, что удивило, огорчило, порадовало.
Проходит сезон

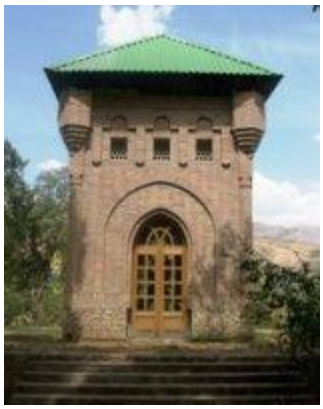
Пенсионер Амонбай ходил по своему двору. Останавливаясь, орудовал серпом. Скашивая сорняк, он как бы вслух размышлял о состоянии травы. Увидев меня, идущего по улице, Амонбай-ака приподнял голову и, словно комментируя свои мысли, произнес: «Правда, сосед, внутри сада хоть немного воды доходит до корней травы и клевера. Поэтому они еще зелены, и можно, скосив их, набрать какое-то количество сена. Но вот в горной местности трава в этом году быстро высохла».
Как и Амонбай, многие здешние жители имеют места для покоса в предгорьях. Каждым летом, когда растения достигают определенной высоты, они косят их. Но в этом году участки, разделенные между сельчанами по взаимному согласию, кажется, не смогут удовлетворить потребности их скота в сене. «В этом сезоне я, наверное, не соберу даже третьей части того сена, что имел раньше, — продолжил сосед. — Вынужден теперь делать запасы для скотины еще и в других местах. Придется купить шелуху, другой сухой

корм».
Слова Амонбая может повторить любой житель Богистана и даже всего горного Бостанлыкского района, и будет прав. У всех такое положение. Из-за отсутствия осадков в период вегетации многие растения в горах высохли. Казалось бы, дожди в этом году шли, но их не было в нужное время, когда трава начинает расти.
Естественно, что в годы маловодья люди сокращают поголовье скота. Но не все, как мой сосед, летом думают о зимовке, считая, что до осени и зимы еще есть время. Надо бы подумать о других источниках запасов кормов, но люди не торопятся. Вот, например, появились грузовые машины с сеном из других мест. А жители не покупают. Может, надеются, что к осенне-зимнему периоду купят корм подешевле.

Маловодье, когда воды в реках меньше, чем обычно, — снижает урожаи как на полях, так и в горах. Чтобы противостоять капризам природы, человек ищет иные пути орошения земель, строит дополнительные водоемы и ирригационные сети, стремится эффективно распределять водные ресурсы. Кто-то считает, что об этом должно думать государство. Знаю такие примеры и не в государственном масштабе: в Уртачирчикском районе области на канале «Курултай» ассоциация водопользователей «Зангори-Тулкин» соорудила плотину и, тем самым, обеспечила водой 30 гектаров площадей.
Амонбай-ака продолжает обходить свой сад по периметру. Кажется, он уже проверил каждые стебель и веточку. Размышляя вслух, говорит: «Местный хокимият не перестает повторять, чтобы мы увеличивали поголовье скота, мол, есть задание «сверху». Если руководители нас поддержат, то и мы будем стараться, чтобы сараи не оставались пустыми». Он всю жизнь провел за рулем машины — так зарабатывал на жизнь, с помощью своих сыновей увеличивал поголовье своего стада. Став земледельцем, как и другие, следит за погодой, осадками. Беспокоится, что животные из кишлака топчут пастбища, траву в период роста, ту, что надо косить для зимы.
…Снизу поднимается невестка соседа, еле дыша. Она несет два тяжелых ведра с водой. Удивляясь, спрашиваю, почему не набирает воды из крана в махалле, ведь кран совсем недалеко, рядом с домом. Посмотрев в сторону водопровода, она отвечает, что он «высох». Действительно, воды в кране не оказалось. Маловоден в этом году и родник, откуда протянуты трубы. Поэтому люди носят ведра из других источников. В разгаре — сезон орошения. Сладкие и горькие его плоды пожинать зимой, а пока сезон проходит.
Вода из арыка не ценится?
Приехав как-то в Богистан, увидел рядом с арыком сидящих на корточках девушек. Беседуя о том, о сем, они чистили внутренности животных. Я порадовался: видимо, у кого-то из них дома намечается торжество. Подруги тщательно чистили будущий хасып, вываливая в арык все то, что содержалось внутри кишок. При этом вода не уносила

остатки в большую реку, многое оседало на дне, цепляясь за камни и сучки в арыке. Я тогда не выдержал и возмутился: «Нельзя ли эту работу делать дома, чтобы не загрязнять арык?» — «Из этого арыка, — ответили, — все равно никто не пьет! Питьевую воду мы берем из водопровода».

Помню с детства, как старики делали замечание женщинам, если они что-то мыли или стирали в арыке. Хозяйки богистанской махалли Хирманжо старались не попадаться на глаза строгих аксакалов. Те очень громко ругали их, так, что было слышно на всю округу. Никто не мог возразить, ведь все знали, что загрязнять воду нельзя. И по канонам Ислама вода считается священной основой жизни. Но знать — одно, а соблюдать правила — совсем другое. Если у человека с детства нет привычки содержать водоемы в чистоте, то приведи ему хоть все 750 сур из Корана, он поступит по-своему.

Со временем в село Богистан, как и во все ближайшие кишлаки, протянули водопровод. В махаллю Хирманжо пришла вода из родников, что за два-три километра. Трубы пролегли вдоль тропинки. Постепенно на месте тропинки появилась автомобильная дорога, а некоторые места ее из-за буксующей техники превратились в «ущелья». Но дорога очень полезна для местного населения, об эрозии земли и появлении «ущелий» никто не думает. Если бы чистая родниковая вода не дошла до махалли Хирманжо, ее жители, может быть, размышляли бы так же, как живущие ниже. В нижних махаллях возмущаются грязной водой. Там, где водопровод, люди стали менее внимательными и бережливыми.

В школе Богистана учителя дают путевку в самостоятельную жизнь тысячам детей и обязательно на уроках говорят о значении воды в жизни человека. Особенно часто учителя биологии и географии напоминают, что более одной шестой части населения планеты лишены чистой питьевой воды, а это значит, что более двух миллиардов человек вынуждены потреблять непригодную для питья воду. «Надо беречь ее от загрязнения!» Нравоучения преподавателей и старцев в одно ухо влетают, в другое вылетают. В последние годы в Богистан приходят жители соседних кишлаков для покупки мяса домашних животных. Здесь мясо относительно дешевое, да и продавцы уже знакомые — не обманут при взвешивании. Мясных ларьков год от года становится все больше. Животных режут рядом, недалеко от сая. И тут мы наблюдаем знакомую картину: все лишнее — в арык.

Сколько же грязи от этой «чистки» течет по саям в Пскем — в реку, из которой пьют воду жители не только Бостанлыкского, но и иных районов Ташкентской области! «Был у нас в свое время лоток, в который стекала кровь зарезанных животных. Но он поломался», — посетовал в разговоре один из сельчан. Неужели права народная пословица: «Вода, что под ногами, не ценится!»?

Зеленое, сухое…

Это было примерно в конце шестидесятых годов. Часть территории сада в нашем дворе государство «за превышение нормы» передало местному совхозу. Мы, дети, еще не понимали разницу между государственным и личным имуществом. Взрослые учили, что ни в коем случае нельзя рвать фрукты в «чужой» стороне. Там было несколько молодых сливовых деревьев, а на «нашей» сливы было предостаточно. Поэтому даже в голову не приходило рвать фрукты «там».

Поначалу работники хозяйства приходили и собирали урожай. Ну, а наше оставалось нам. Тем жителям кишлака, чьи сады были за дворами, представители местной власти дали указание убрать ограды. Фруктовые деревья остались сами по себе, без присмотра, точнее — во владении собак, скота и прохожих.

Прошло несколько лет, и к нам перестали приходить за урожаем. Таким образом, «отчужденная» часть сада, кажется, вернулась в собственность семьи. Так же случилось с некоторыми другими односельчанами, чьи «излишки» были во дворах. А от садов, находившихся далеко от владельцев, значит, и от контроля, осталось одно название. Молодые деревца стали кормом для животных, старые были вырублены на дрова. Мы, подростки, ходили играть в футбол на места прежних садов и только по названиям — «сад Розибобо», «сад Гулмадбобо» — догадывались, что когда — то они тут были.

Но вот опять заговорили в кишлаке о посадках: «Развивается шелководство, а для выращивания гусеницы шелкопряда требуется много листьев тутовника!» Жителям кишлака снова передали пустующие земли. Условие — посадить тутовник. Вырубка тутовых деревьев строго запрещалась. Многие пустые площади вновь превратились в сады. Постепенно они расширялись. Зеленый наряд появился даже на холмах и предгорьях — везде, где была возможность орошения. Каждый житель огораживал землю, сколько мог обработать. Сегодня, если кто-то и не может присматривать за садом из-за маловодья, то использует горный участок для заготовки кормов.

На одном из участков, вдоль сая, наша семья тогда тоже посадила тутовник, а вокруг установили ограду из железной сетки. Теперь, бывая в кишлаке, я

иногда заглядываю туда, вспоминаю свое детство. Вижу, что некоторые из деревьев высохли и упали, превратились в хворост. Однажды я спросил младшего брата Тахира: «Почему не собираешь высохшие ветки из отцовского сада и не используешь на дрова?» А он ответил, что зимой хватает тех веток, что убирает во дворе. Между тем в Богистане многие семьи решают проблему зимнего топлива путем сбора высохших деревьев из садов, раскинувшихся до самых предгорий. Однако не у всех в горном Бостанлыкском районе есть такая возможность. Как в Нанае, где меньше возможностей заниматься садоводством.

Жители Наная закупают дрова и сено в других кишлаках. Луга, где можно было бы заготавливать сухой корм, или далеки от них, или неудобны. «Чтобы пережить зиму, нам достаточно восьми кубометров дров, — говорит Хасанбой, мой знакомый из кишлака Нанай. — Столько мы купили на зиму в селе Курдептур, что в пятнадцати километрах. В сильные морозы используем и «биологическое топливо» — отходы животных».

Спрашиваю, насколько законно приобретение дров. «Деревья, которые уже совсем высохли, экологи разрешают вырубать, — объясняет Хасанбой. — Там, в верхних кишлаках, живет мало людей, зато рощ и кустарников много. Местные жители верхних кишлаков удовлетворяют свои потребности, а лишние дрова продают». Древняя профессия дровосека в горах существует и поныне.

В детстве я видел, как одинокие женщины собирали в мешки «лепешки» от коров и несли на плечах. Или рвали, срезали сухие ветки, чтобы использовать для приготовления пищи. Сейчас дрова и «биотопливо» не носят на плечах. Их везут на ишаках и грузовых машинах. В тех кишлаках, где отсутствует природный газ, там дрова и другие природные источники энергии — привычное дело. Пока продолжается жизнь, будет выходить дым из печек, очагов и тандыров. Используя высохшие деревья, не забывать бы про саженцы.

Таджибой ИКРАМОВ

\»Зеркало XXI\», Экоальманах \»Просто пишем о среде\» (4-й выпуск), 2009г.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

04.04.2009